

Вкус соли и железа

АЛЕКСЕЕВ ДЕНИС

Денис Алексеев

Вкус соли и железа

<https://litres.ru/74693727>

SelfPub; 2026

Аннотация

Первая книга из серии.

Семилетняя Аэлия похищена пиратами с каравеллы «Мертвая Чайка». Вместо смерти девочка выбирает выживание.

Пройдя через жестокий шторм, кровопролитный abordaj и смертельную лихорадку, она учится вязать узлы, слушать ветер и понимать язык моря. От забитой жертвы до юнги с кортиком в руке — путь длиной в один год.

В мире, где закон пишет сила, а милосердие считается слабостью, Аэлия находит семью среди изгоев. Но море требует платы за свободу.

Готова ли она стать настоящей пираткой, оставив детство за бортом?

Содержание

Глава 1. Дым над родной бухтой	4
Глава 2. Иерархия теней	16
Глава 3. Шторм как крещение	28
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Денис Алексеев

Вкус соли и железа

Глава 1. Дым над родной бухтой

Воздух в порту Бьернхолма всегда пах одинаково: смесью гниющих водорослей, дешевого табака и липкой, въедливой смолой, которой конопатили днища торговых шлюпов. Для семилетней Аэлии этот запах был запахом безопасности, границей ее крошечного мира, за пределами которого начиналась лишь серая, равнодушная даль Северного моря. Она сидела на верхушке тюка с шерстью, болтая ногами в пустоту, и наблюдала, как грузчики, похожие на муравьев, таскали мешки на борт «Золотого краба». Это был обычный вторник, день, который должен был закончиться ужином из рыбного супа и сказками старой няни о русалках, что по ночам расчесывают волосы гребнями из жемчуга. Но судьба, эта капризная дама в черном плаще, уже стояла на причале, ожидая своего часа.

Аэлия не помнила, почему она решила спрятаться именно сегодня. Может быть, дело было в том, что отец снова забыл купить ей обещанную деревянную лошадку, или в том, что мать слишком много плакала по ночам, глядя на пустое кресло у окна. А может, просто захотелось тишины, той особен-

ной, звенящей тишины, которая бывает только внутри больших вещей. Трюм «Золотого краба» был идеальным укрытием. Там пахло сухим деревом, пылью и чем-то сладковатым, напоминающим пряности из далеких южных земель. Девочка забралась в угол, за ящики с фарфором, свернулась калачиком и закрыла глаза, представляя, что она — капитан собственного корабля, плывущего к краю света, где небо встречается с водой и можно потрогать звезды.

Она заснула быстро, убаюканная мерным скрипом канатов и тихим плеском воды о борта. Сон был глубоким и без сновидений, тем самым детским сном, когда тело отдыхает так сильно, что кажется невесомым. Пробуждение пришло не от света или звука, а от вибрации. Пол под щекой дрогнул, затем раздался глухой удар, от которого заложило уши. Аэлия открыла глаза. В трюме стало темно, единственные лучи света пробивались сквозь щели люков, выхватывая из мрака танцующие пылинки. Воздух изменился. Исчез сладковатый запах пряностей, его место занял резкий, металлический привкус страха.

— Тише, собаки! — прохрипел голос сверху. Он был низким, хриплым, словно горло говорящего было набито битым стеклом. — Режем тихо. Кто пикнет — тому язык гвоздем к мачте пришьем.

Аэлия замерла. Ее сердце колотилось так сильно, что казалось, стук слышен во всем трюме. Она узнала этот голос. Это был не капитан «Золотого краба», толстый добряк гос-

подин Хенрик, который всегда угощал ее леденцами. Этот голос принадлежал кому-то другому. Кому-то, кто не знал слова «пожалуйста» и смеялся только тогда, когда кому-то было больно.

Сверху послышался звон стали. Не тот мелодичный лязг, которым встречались клинки в рыцарских романах, которые читала ей мать, а тяжелый, влажный звук рассекаемой плоти. Затем — крик. Короткий, оборванный, больше похожий на всхлип. А потом еще один. И еще. Крики сливались в единую симфонию ужаса, прерываемую лишь тяжелыми шагами по палубе и грубыми командами на языке, который Аэлия не понимала, но смысл которого был ясен без перевода: смерть пришла в порт Бьернхолма.

Девочка прижала ладони к ушам, но это не помогало. Звуки проникали сквозь пальцы, сквозь кости, прямо в мозг. Она хотела заплакать, хотела закричать, позвать маму, но горло сжалось ледяной хваткой. Инстинкт самосохранения, древний и жестокий, шептал ей: «Молчи. Если ты издашь звук, они найдут тебя. Если они найдут тебя, ты умрешь». Аэлия зажмурилась так сильно, что перед глазами заплясали цветные круги. Она превратилась в камень, в часть груза, в тень.

Прошло время. Минута? Час? В темноте время теряло свой смысл. Шаги на палубе стихли. Раздались новые звуки: скрип блоков, топот множества ног, ржание лошадей, которых, судя по всему, загоняли на борт. А потом — тяже-

лые шаги, спускающиеся вниз, в трюм. Фонарь осветил пространство резким, колеблющимся светом. Луч выхватил из мрака лицо человека. Оно было покрыто шрамами, один глаз отсутствовал, а вместо него зияла черная дыра, затянутая кожей. На поясе висела сабля с рукоятью, инкрустированной костями.

Человек остановился рядом с ящиками, где пряталась Аэлия. Он нюхал воздух, как зверь, учуявший добычу. Девочка перестала дышать. Легкие горели от нехватки кислорода, но она не смела сделать даже маленький вдох. Одноглазый пират прошел мимо, его сапоги чавкали по чему-то мокрому. Аэлия скосила глаза и увидела темную лужу, расползающуюся по полу. Это была кровь. Много крови. Она текла из-под соседнего ящика, где раньше лежали мешки с мукой.

Когда шаги удалились, Аэлия наконец выдохнула. Воздух вышел из легких с тихим свистом. Она поняла, что плачет. Слезы текли по щекам, горячие и соленые, но она не издавала ни звука. Ей нужно было выбраться. Нужно было найти выход. Но куда? Люки были задраены снаружи. Единственный путь — через верх, на палубу. Но там были они. Пираты. Те, кто убил всех.

Аэлия поползла. Она двигалась медленно, осторожно, стараясь не задеть острые углы ящиков. Ее платье, тонкое льняное, которое мама гладила каждое воскресенье, теперь было испачкано пылью и чем-то липким. Руки дрожали, но она

сжимала их в кулаки, чтобы унять дрожь. В голове крутилась одна мысль: «Мама. Папа. Няня». Они мертвы. Она знала это. Знала так же точно, как знала, что солнце встает на востоке. Эта мысль была слишком большой, слишком тяжелой для семи лет. Она раздавила бы ее, если бы Аэлия позволила себе подумать о ней полностью. Поэтому она думала только о следующем движении. Левая рука. Правая нога. Еще немного.

Вдруг корабль качнуло. Резко, сильно. Аэлию бросило на пол. Она ударилась плечом о деревянный брус, и боль вспыхнула яркой вспышкой, но она не закричала. Из горла вырвался лишь сдавленный стон. Сверху послышался смех. Грубый, веселый смех людей, которые только что совершили преступление и чувствовали себя свободными.

— Поднимать паруса! — раздался голос капитана. Теперь он звучал ближе. — Ветер попутный. Уходим до того, как королевская стража очнется от похмелья.

Корабль накренился. Аэлия почувствовала, как меняется положение тела относительно пола. Гравитация тянула ее в сторону борта. Она уцепилась за край ящика, чувствуя, как ногти ломаются, впиваясь в дерево. Качка становилась сильнее. Море просыпалось. «Золотой краб» покидал гавань, увозя с собой не только товары, но и души тех, кто остался на причале.

Аэлия поняла, что если она останется в трюме, то либо умрет от жажды, либо ее найдут и убьют, когда будут разгру-

жать товар в следующем порту. А следующий порт мог быть через месяц. Или через год. Или никогда. Ей нужно было вверх. Сейчас.

Она нашла лестницу. Узкую, крутую, ведущую к люку. Ступени были скользкими от влаги и крови. Аэлия начала подъем. Каждая ступенька давалась с трудом. Ноги были слабыми, руки отказывались слушаться. Но страх оказался сильнее усталости. Страх перед неизвестностью, перед тем, что ждет ее наверху, был меньше, чем страх остаться здесь, в этой могиле из дерева и теней.

Когда она достигла последнего люка, она остановилась. Сквозь щель пробивался дневной свет, но он был каким-то другим. Не теплым, золотистым, как в Бьернхолме, а холодным, серым, пронизанным ветром. Аэлия прислушалась. На палубе было шумно. Кричали команды, скрипали блоки, хлопал парус. Никто не обращал внимания на трюм. Все были заняты кораблем.

Она толкнула люк. Он был тяжелым, но поддался. Свежий воздух ударил в лицо, резкий, холодный, пахнувший штурмом. Аэлия высунула голову.

То, что она увидела, заставило ее замереть. Порт Бьернхолм остался позади, уменьшаясь с каждой секундой. Дома, церковь, маяк — все это превращалось в игрушечные фигурки. А вокруг простиралось море. Огромное, бесконечное, серое море. Волны вздымались, как горы, и с грохотом обрушивались на борта каравеллы, которую Аэлия теперь узнала.

Это была не «Золотой краб». Это был другой корабль. Черный, с парусами цвета ночи, с носовой фигурой в виде черепа, оскалившего зубы в вечной усмешке. «Мертвая Чайка». Название шептали в портах с суеверным ужасом. Говорили, что этот корабль не оставляет свидетелей. Говорили, что его капитан продал душу морскому дьяволу за ветер, который всегда дует в нужную сторону.

Аэлия смотрела на удаляющийся берег и чувствовала, как внутри нее что-то обрывается. Последняя нить, связывающая ее с прошлой жизнью, лопнула. Она осталась одна. Со всем одна. На корабле убийц. В открытом море.

— Эй! Ты чего тут делаешь, крыса?

Голос раздался прямо над ухом. Аэлия вздрогнула и обернулась. Перед ней стоял огромный мужчина. Его лицо было скрыто тенью широкополой шляпы, но Аэлия видела его руки. Большие, мозолистые, с черными ногтями. В одной руке он держал бутылку с ромом, в другой — кнут.

Аэлия не ответила. Она не могла. Язык прилип к гортани.

Мужчина наклонился, его лицо оказалось близко. От него пахло перегаром, потом и железом. Он внимательно посмотрел на девочку, на ее грязное платье, на испуганные глаза.

— Откуда ты взялась? — спросил он. Его голос был менее хриплым, чем у одноглазого, но в нем звучала та же угроза. — Ты с «Краба»?

Аэлия кивнула. Едва заметно.

Мужчина выпрямился и захохотал. Смех был громким,

раскатистым.

— Капитан! Смотри, какая птичка к нам залетела! — крикнул он в сторону руля.

К рулю стоял человек в длинном черном плаще. Он не обернулся. Его фигура была неподвижной, как скала.

— Выкинь ее за борт, — сказал капитан. Его голос был тихим, но его слышали все на палубе. Шум стих. Даже волны, казалось, стали тише.

Аэлия почувствовала, как холод пробегает по спине. За борт. В море. В холодную, темную воду. Она утонет. Или ее съедят акулы. Или она замерзнет.

Но мужчина с кнутом не двинулся. Он смотрел на девочку, и в его глазах мелькнуло что-то странное. Не жалость. Пираты не знают жалости. Но что-то другое. Любопытство? Интерес?

— Она маленькая, капитан, — сказал мужчина. — Семь лет, не больше. Что нам с ней делать?

Капитан медленно повернулся. Его лицо было бледным, почти прозрачным. Глаза — черные, как бездна. Он посмотрел на Аэлию, и девочка почувствовала, как этот взгляд проникает сквозь нее, видит все ее страхи, все ее мысли.

— Оставь, — сказал капитан. — Пусть живет. Посмотрим, сколько она протянет. Если доживет до следующего порта — продадим. Если нет — корм для рыб.

Мужчина пожал плечами и отошел в сторону.

— Иди вниз, девчонка, — сказал он. — В кубрик. И не

попадайся мне на глаза. А то я забуду, что ты ребенок.

Аэлия не стала ждать повторения приказа. Она спрыгнула с люка и побежала вниз, в темноту трюма. Но теперь она бежала не от смерти, а к жизни. К новой, страшной, непонятной жизни.

В кубрике было темно и тесно. Пахло потом, сыростью и чем-то кислым. Аэлия нашла свободный гамак в углу, забралась в него и свернулась клубком. Гамак качался, укачивая ее, но сон не приходил. Она слушала звуки корабля. Скрип мачт, шум ветра, голоса пиратов. Эти звуки стали фоном ее новой реальности.

Она вспомнила маму. Как та гладила ее по голове и говорила: «Не бойся, Аэлия. Море любит сильных». Аэлия не чувствовала себя сильной. Она чувствовала себя маленькой, слабой, потерянной. Но она выжила. Она прошла через трюм, полный крови. Она посмотрела в глаза капитану «Мертвой Чайки» и не умерла.

Это было началом. Началом пути, который приведет ее далеко от Бьернхолма, далеко от прошлого, далеко от самой себя, какой она была раньше.

Ночь опустилась на море быстро. Темнота поглотила корабль, оставив лишь мерцание фонарей и бледный свет луны, пробивающийся сквозь облака. Аэлия лежала в гамаке и смотрела вверх. Потолок кубрика был низким, покрытым плесенью и паутиной. Но ей казалось, что она видит звезды. Те самые звезды, к которым она мечтала прикоснуться.

Она закрыла глаза и впервые за день позволила себе заплакать. Тихо, беззвучно. Слезы текли по щекам, смешиваясь с пылью и грязью. Она плакала по маме, по папе, по дому, по деревянной лошадке, которую так и не получила. Она плакала по своему детству, которое закончилось сегодня, в трюме торгового шлюпа.

Но когда слезы высохли, внутри осталось что-то новое. Твердое. Холодное. Как камень на дне моря. Аэлия поняла, что больше никогда не будет прежней. Девочка, которая пряталась в тюках с шерстью, умерла вместе с «Золотым крабом». Родилась кто-то другой. Кто-то, кто должен был научиться выживать. Кто-то, кто должен был стать частью этого корабля, этой команды, этого моря.

Она заснула под монотонный шум волн, разбивающихся о борт «Мертвой Чайки». И во сне ей приснилось море. Не серое и холодное, а синее, теплое, сияющее. И в центре этого моря стоял корабль. Черный, с парусами цвета ночи. И на мостике стояла она. Взрослая, сильная, с саблей в руке. И море слушалось ее.

Это был первый сон Аэлии-пиратки. Сон, который станет пророчеством.

Утро принесло с собой новый запах. Запах жареной рыбы и черного хлеба. Аэлия проснулась от голода. Желудок свело спазмом. Она выбралась из гамака и огляделась. В кубрике было несколько человек. Они спали, храпели, ворочались. Аэлия тихо пробралась к выходу. Ей нужно было найти еду.

И воду.

На палубе кипела жизнь. Пираты чинили паруса, точили оружие, играли в кости. Никто не обратил на нее внимания. Она стала невидимкой. Тенью. Это было хорошо. Незаметность — лучшее оружие для слабого.

Аэлия нашла камбуз. Повар, толстый мужчина с красным лицом, месил тесто. Он увидел девочку и усмехнулся.

— Голодная, крыса?

Аэлия кивнула.

Повар отрезал кусок черного хлеба и бросил ей. Хлеб был твердым, как камень, но Аэлия схватила его обеими руками и начала есть. Она ела быстро, жадно, боясь, что хлеб отберут.

— Не подавись, — сказал повар. — Сегодня мы идем на север. Там холодно. Так что грейся, пока можешь.

Аэлия проглотила последний кусок и посмотрела на повара.

— Спасибо, — прошептала она.

Повар удивленно поднял бровь.

— Вежливые пираты — редкость, — пробурчал он. — Ладно. Иди отсюда. И не забывай мыть руки. Здесь болезни ходят быстрее, чем крысы.

Аэлия вышла из камбуза. Она стояла на палубе и смотрела на горизонт. Море было спокойным, но в воздухе чувствовалось напряжение. Надвигался шторм. Аэлия знала это. Она чувствовала это кожей. Море шептало ей о ветре, о дожде,

О волнах.

Она подошла к борту и положила руку на холодное дерево. Корабль вибрировал под ее ладонью, как живое существо. Аэлия закрыла глаза и прислушалась. Она слышала биевание сердца корабля. Медленное, мощное, уверенное.

«Я здесь, — подумала она. — Я жива. И я буду жить».

Ветер усилился. Паруса наполнились воздухом, и «Мертвая Чайка» ускорила ход. Аэлия крепче ухватилась за борт. Впереди были штормы, битвы, потери и победы. Впереди была жизнь. Настоящая, опасная, прекрасная жизнь пирата.

Глава 2. Иерархия теней

Утро на «Мертвой Чайке» не приносило облегчения. Оно лишь меняло оттенок серого: ночная чернота сменялась свинцовой дымкой, сквозь которую с трудом пробивался бледный, лишенный тепла свет северного солнца. Аэлия проснулась от холода. Гамак, служивший ей постелью, был тонким и дырявым, и морозный воздух пронизывал ткань, заставляя девочку дрожать всем телом. Она не стала сразу открывать глаза. Сначала она прислушалась. В кубрике царствовала тяжелая, хриплая тишина, прерываемая лишь сопением спящих мужчин и тихим скрипом корабельных балок, реагирующих на каждое движение волн. Этот звук стал для нее новым метрономом жизни, отсчитывающим секунды в мире, где время больше не измерялось ударами церковного колокола или зовом матери к обеду.

Аэлия медленно села, стараясь не потревожить соседей по тесному помещению. Рядом, свернувшись калачиком на грязной подстилке, спал юнга — мальчик лет двенадцати, с лицом, покрытым веснушками и шрамами от оспы. Его дыхание было ровным, но губы посинели от холода. Девочка посмотрела на свои руки. Они были грязными, ногти сломаны, а на ладонях появились первые мозоли — жесткие, болезненные уплотнения кожи, свидетельство того, что ее тело уже начало адаптироваться к новой реальности. Она потро-

гала щеку. Кожа была шершавой, обветренной. Семилетняя нежность уходила, уступая место выживанию.

В кубрике пахло кислым потом, плесенью и чем-то сладковато-гнилостным, исходящим из трюма. Аэлия знала, что это запах разлагающейся рыбы или, что хуже, человеческих тел, которые не успели выбросить за борт после вчерашнего абордажа. Она подавила приступ тошноты, глубоко вдохнула через рот и выбралась из гамака. Ей нужно было найти воду. Горло пересохло, язык прилипал к нёбу, словно кусок старой кожи.

На палубе жизнь уже кипела. Пираты, эти грубые, волосатые гиганты, занимались своими делами. Кто-то чинил паруса, ловко управляясь с иглой и толстой просмоленной нитью, кто-то точил сабли, издавая ритмичный, гипнотизирующий скрежет металла о камень. Аэлия стала невидимкой. Она научилась этому за одну ночь. Нужно было двигаться тихо, смотреть в пол, не встречаться глазами ни с кем из экипажа. Взгляд мог быть воспринят как вызов, а вызов на этом корабле карался мгновенно и жестоко.

Она пробралась к баку, где стояла большая бочка с пресной водой. Вода была мутной, с привкусом дерева и затхлости, но для Аэлии она казалась нектаром богов. Она зачерпнула воду ладонями и жадно пила, чувствуя, как холодная влага стекает по пищеводу, утоляя жажду. Рядом прошел боцман — тот самый одноглазый гигант, которого она видела в трюме накануне. Его звали Гром. Или так его называли

другие. Настоящее имя его никто не знал, да и спрашивать было опасно. Гром остановился, заметив девочку. Его единственный глаз, мутный и желтоватый, внимательно осмотрел ее.

— Ты еще жива, крыса? — прохрипел он. Его голос напоминал шум гальки, перекачиваемой прибоем.

Аэлия кивнула, вытирая мокрое лицо рукавом. Она хотела сказать «да», но голос предательски дрогнул.

Гром фыркнул, достал из кармана засохший кусок сухаря и бросил его ей под ноги.

— Ешь. Если умрешь от голода, мне придется тащить твой труп на кормление акулам. А я ленивый.

Аэлия подняла сухарь. Он был твердым, как камень, и пах плесенью. Но она не стала морщиться. Она отколола зубами маленький кусочек и начала жевать. Жевать приходилось долго, размачивая хлеб слюной, пока он не становился хоть немного съедобным. Гром наблюдал за ней, затем повернулся и заорал на матросов, лениво тянувших канат.

— Шевелитесь, мешки с костями! Ветер меняется! Нам нужно поймать попутный поток до полудня, иначе будем стоять в штиле три дня!

Аэлия отошла в сторону, прислонившись к мачте. Она наблюдала за работой команды. Это был сложный, отточенный танец. Каждый знал свое место. Каждый понимал команду с полуслова. Не было суеты, только эффективность. Она заметила, как один молодой пират ошибся, неправильно закреп-

пив шкот. Парус затрепетал, потеряв натяжение. Мгновенно рядом оказался старший матрос, который не стал кричать, а просто ударил новичка плоской стороной ладони по затылку. Удар был сильным, но не травмирующим. Новичок вскрикнул, исправил ошибку и снова взялся за работу. Никаких обид. Никаких разговоров. Только урок.

Аэлия поняла: здесь нет места ошибкам. Ошибка на суше может стоить синяка. Ошибка на море стоит жизни.

День прошел в напряженном труде. Аэлия не работала официально — никто не давал ей заданий, — но она старалась быть полезной. Она подбирала обрезки веревок, относила инструменты тем, кто забывал их на палубе, помогала юнге таскать ведра с водой. Юнга, которого звали Тик (потому что он постоянно что-то чинил и издавал звуки, похожие на тиканье часов), сначала косился на нее с подозрением, но потом, увидев, что она не ворует и не ябедничает, начал кивать ей в знак приветствия.

— Ты откуда? — спросил он однажды, когда они вместе тащили тяжелый якорный канат.

— Из Бьернхолма, — тихо ответила Аэлия.

Тик присвистнул.

— Далеко. Там красиво?

— Было, — сказала Аэлия. И это слово повисло в воздухе, тяжелое и окончательное.

К вечеру ветер усилился. Небо затянули тучи, низкие и угрожающие. Капитан вышел на мостик. Он всегда появлял-

ся внезапно, словно выросал из тени. На нем был длинный черный плащ, который развевался на ветру, как крылья огромной птицы. Лицо его оставалось в тени шляпы, но Аэлия чувствовала его взгляд. Он сканировал палубу, оценивая готовность корабля к предстоящему испытанию.

— Шторм идет, — сказал капитан. Его голос был тихим, но его слышали все. — Закрепить все люки. Проверить крепления пушек. Убрать лишнее с палубы.

Команда заработала с удвоенной скоростью. Аэлия тоже включилась в процесс. Она помогала убирать бочки, которые могли покатиться по палубе при качке. Ее маленькие руки оказались неожиданно сильными. Адреналин, выделяющийся от страха, давал ей энергию, которой не было утром.

Когда шторм начался, мир перевернулся. Волны, высотой с трехэтажный дом, обрушивались на «Мертвую Чайку», заставляя корабль стонать и скрипеть. Вода хлестала через борта, заливая палубу ледяным потоком. Пираты цеплялись за ванты, чтобы их не смыло за борт. Аэлию тоже накрыло волной. Холодная, соленая вода ударила в грудь, выбивая воздух из легких. Она закашлялась, пытаясь удержаться на ногах. Скользящая палуба уходила из-под ног.

— Держись! — крикнул кто-то. Это был Гром. Он протянул ей руку. Его хватка была железной. Он рывком вытащил ее из потока воды и прижал к мачте.

— Не отпускай! — рявкнул он. — Смотри на меня! Не смотри на волны! Смотри на меня!

Аэлия вцепилась в его руку обеими руками. Ее пальцы побелели. Она смотрела в его единственный глаз, и в этом взгляде не было жалости. Была требовательность. Требование жить. Требование бороться.

Шторм бушевал всю ночь. Аэлия не спала. Она стояла, прижавшись к мачте, и слушала рев моря. Казалось, что океан хочет поглотить этот маленький деревянный осколок, раздавить его, превратить в щепки. Но «Мертвая Чайка» держалась. Она ныряла в пропасти между волнами, взлетала на гребни, трещала по швам, но не сдавалась. И Аэлия держалась вместе с ней.

Под утро шторм стих. Волны стали меньше, ветер ослаб до легкого бриза. Палуба была залита водой, перемешанной с кровью тех, кто не удержался и упал за борт. Аэлия насчитала троих missing. Их имена никто не произнес. Просто пустые места в строю.

Капитан спустился с мостика. Он прошел по палубе, осматривая ущерб. Его взгляд остановился на Аэлии. Девочка стояла, дрожа от холода и усталости. Ее волосы слиплись, платье промокло насквозь.

— Ты выжила, — констатировал капитан.

Аэлия кивнула.

— Хорошо. Значит, море тебя приняло. Пока что.

Он отвернулся и направился к своей каюте. Аэлия поняла, что это была высшая похвала, которую она могла получить.

После шторма наступило затишье. Команда занималась

ремонтom. Аэлии дали задание: помочь коку чистить рыбу. Это была грязная, вонючая работа. Рыба была скользкой, внутренности выпрыгивали из брюха, пачкая руки липкой слизью. Аэлия чувствовала отвращение, но делала работу аккуратно. Кок, тот самый толстый мужчина с красным лицом, наблюдал за ней.

— Ты быстро учишься, девочка, — сказал он, отрезая голову крупной треске. — Руки не трясутся. Глаза не бегают. Это хорошо. На корабле ценят спокойствие.

— Почему вы пираты? — вдруг спросила Аэлия. Вопрос вырвался сам собой, прежде чем она успела его обдумать.

Кок замер с ножом в руке. Он посмотрел на нее, затем усмехнулся.

— А ты кто? Принцесса? Судья? Мы те, кого море выплюнуло на берег, а общество отказалось принять. Мы берем то, что нам должны. Мир жесток, девочка. Король крадет у бедных через налоги. Торговец крадет через обвес. Мы крадем открыто. По крайней мере, мы честны в своей dishonesty.

Аэлия задумалась. Она вспомнила отца, который жаловался на налоги. Вспомнила купцов, которые обманывали покупателей. Может быть, кок прав? Может быть, пиратство — это просто другая форма справедливости?

— А капитан? — спросила она. — Почему он такой?

Лицо кока стало серьезным.

— Капитан... он видел то, чего не должен был видеть. Он знает секреты моря. И море знает его. Не задавай лишних

вопросов, если хочешь дожить до завтра.

Аэлия замолчала. Она продолжила чистить рыбу, но теперь ее мысли были заняты не отвращением, а анализом. Она изучала иерархию. Капитан — абсолютная власть. Боцман Гром — исполнитель воли, страх и порядок. Кок — хранитель быта и неофициальный советник. Матросы — мышцы корабля. Юнги — будущие матросы, если выживут. И она? Где ее место?

Пока что она была никем. Тенью. Но тени имеют свойство расти, когда садится солнце.

Вечером, когда команда собралась в кубрике на ужин, Аэлия сидела в углу, наблюдая за ритуалом. Пираты ели молча, сосредоточенно. После еды один из старших матросов достал колоду карт. Началась игра. Ставки были высокими: золото, оружие, иногда даже части тела (обещания будущих услуг). Аэлия смотрела на карты. Она не умела играть, но она запомнила правила, подслушивая разговоры.

Вдруг один из игроков, высокий худой пират с шрамом на щеке, начал жульничать. Аэлия увидела, как он незаметно спрятал карту в рукаве. Она хотела крикнуть, предупредить других, но вовремя остановилась. Здесь были свои законы. Если ты пойман — ты наказан. Если не пойман — ты выиграл. Вмешательство постороннего могло стоить ей жизни.

Худой пират выиграл крупную сумму. Победитель улыбнулся, показывая гнилые зубы. Проигравший, крепкий мужчина с бородой, вскочил.

— Ты шулер! — зарычал он.

— Докажи, — спокойно ответил худой.

Бородач выхватил нож. В кубрике повисла напряженная тишина. Все ждали реакции Грома или капитана. Но капитана не было. Гром сидел в углу, чистя свою саблю. Он не вмешивался. Это был тест. Проверка на прочность.

Бородач бросился на шулера. Тот увернулся, ударил ногой в пах, а затем нанес быстрый удар рукояткой ножа по виску противника. Бородач рухнул без сознания. Шулер стоял над ним, тяжело дыша.

— Честная игра, — сказал он. — Он проиграл не только деньги, но и честь.

Гром кивнул.

— Унесите его. Пусть проспится. А ты, Лис, отдай половину выигрыша в общак. За беспокойство.

Лис поморщился, но отсчитал монеты. Конфликт был исчерпан. Без крови, без долгих разбирательств. Быстро и эффективно.

Аэлия поняла еще один урок: на корабле нет места эмоциям. Есть только результат. Гнев, обида, жалость — это слабость. Сила — в контроле.

Ночь снова опустилась на море. Аэлия лежала в своем гамаке, но сон не приходил. Она думала о том, что увидела. Об иерархии, о жестокости, о выживании. Она чувствовала, как внутри нее формируется новый стержень. Тот самый, о котором говорил Гром.

Она вспомнила маму. Как та учила ее быть доброй, вежливой, послушной. Эти качества здесь были бесполезны. Здесь нужны были другие: хитрость, наблюдательность, терпение.

Аэлия закрыла глаза и представила, что она — часть корабля. Что ее кости — это мачты, ее кровь — это вода в трюме, ее дыхание — это ветер в парусах. Если она станет частью «Мертвой Чайки», корабль защитит ее.

Во сне ей снова приснилось море. Но теперь оно было не синим, а черным, как смола. И в этом черном море плавала огромная рыба с глазами человека. Рыба смотрела на Аэлию и улыбалась.

— Добро пожаловать домой, — сказала рыба голосом капитана.

Аэлия проснулась в холодном поту. Сердце колотилось. Она посмотрела вокруг. Кубрик был тихим. Только храп матросов нарушал тишину.

Она поняла, что больше не боится. Страх остался, но он стал инструментом. Он обострял чувства, заставлял быть внимательной.

Утро принесло новые задачи. Гром подошел к ее гамаку.

— Вставай, крыса. Сегодня ты будешь учиться вязать узлы. Если завяжешь плохо — останешься без ужина. Если хорошо — получишь дополнительную порцию рыбы.

Аэлия вскочила.

— Я готова.

Гром усмехнулся.

— Посмотрим.

Он привел ее на бак, где лежали груды веревок.

— Это булинь, — показал он на сложный узел. — Он держит парус. Если он развяжется, парус улетит, и мы потеряем скорость. А скорость — это жизнь.

Аэлия взяла веревку в руки. Она была грубой, шершавой. Пальцы скользили.

— Повторяй за мной, — сказал Гром.

Он медленно показал движение. Аэлия повторила. Узел получился кривым, слабым.

— Плохо, — сказал Гром. — Еще раз.

Она попробовала снова. И снова. Пальцы болели, кожа натиралась до крови. Но она не останавливалась. Она повторяла движение снова и снова, пока мышечная память не начала брать верх.

Через час у нее получился первый правильный узел. Гром осмотрел его, дернул за концы. Узел держал.

— Неплохо, — буркнул он. — Для первого раза. Теперь сделай еще десять. И чтобы все были идеальными.

Аэлия взялась за работу. Солнце светило ярко, отражаясь в воде. Ветер наполнял паруса. «Мертвая Чайка» шла вперед, разрезая волны острым носом.

Аэлия вязала узлы, и каждый узел был шагом к новой жизни. Шаг к принятию. Шаг к тому, чтобы стать своей среди чужих.

Она больше не была девочкой из Бьернхолма. Она была

ученицей моря. И море было строгим, но справедливым учителем.

Вечером, когда она закончила работу, Гром бросил ей кусок рыбы.

— Ешь. Завтра будет сложнее.

Аэлия улыбнулась. Впервые за много дней. Это была не радостная улыбка. Это была улыбка хищника, который понял, как охотиться.

Она села на край бака и начала есть. Рыба была соленой, горячей и вкусной. Аэлия смотрела на горизонт, где небо сливалось с водой. Там, впереди, была неизвестность. Но теперь она не боялась ее. Она была готова встретить ее. С саблей в руке, если понадобится. С узлом в пальцах, если потребуется.

Глава 3. Шторм как крещение

Море никогда не прощало ошибок, но оно всегда давало второй шанс тем, кто умел слушать его шепот. Для Аэлии этот шепот стал громче с каждым днем, проведенным на борту «Мертвой Чайки». Если в первые дни страх заглушал все остальные чувства, превращая мир в размытое пятно ужаса, то теперь ее восприятие обострилось до предела. Она научилась различать оттенки ветра по тому, как он свистел в такелаже: низкий, протяжный вой означал приближение шторма с севера, а короткий, резкий свист — изменение курса или внезапный шквал с запада. Она научилась читать небо не по учебникам астрономии, которые когда-то показывал ей отец, а по цвету облаков: свинцово-серые тучи с зеленоватым отливом сулили град и молнии, а перисто-кучевые, похожие на рыбью чешую, предупреждали о тихой, но коварной зыби.

Три недели прошли в рутине тяжелого труда и постоянного напряжения. Аэлия больше не пряталась. Она стала частью механизма корабля, маленькой, но важной шестеренкой. Ее руки, еще недавно мягкие и нежные, покрылись сетью мелких царапин и мозолей. Кожа огрубела, приобрела землистый оттенок от постоянной грязи и отсутствия нормального мытья. Но в глазах девочки появилась новая искра — не детская наивность, а холодная, расчетливая вни-

мательность хищника, который только учится охотиться, но уже понимает законы джунглей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.